

нуса нелѣпому приказанію. И все, Богъ знаетъ, изъ-за какого нибудь смѣшного столкновенія на границѣ или изъ-за торговыхъ колониальныхъ расчетовъ».

«И пойдутъ они какъ бараны на бойню, не зная, куда они идутъ, зная, что они бросаютъ своихъ женъ, что дѣти ихъ будутъ голодать, и пойдутъ они съ робостью, но ослѣвленные звучными словами, которыми имъ будутъ трубить въ уши. И пойдутъ они безпрекословно, покорные и смиренные, не зная и не понимая того, что они спла, что въ власть была-бы въ ихъ рукахъ, если-бы они только захотѣли, если-бы только могли и умѣли стовориться и установить здравый смыслъ и братство, вмѣсто дикихъ плутень дипломатовъ».

«И пойдутъ они до такой степени обманутые, что будутъ вѣрить, что рѣзня, убійство людей есть обязанность, и будутъ просить Бога, чтобы онъ благословилъ ихъ кровожадные желанія. И пойдутъ, топчя поля, которые сами они засѣвали, сжигая города, которые они сами строили, пойдутъ съ криками восторга, съ радостью, съ праздничной музыкой. А сыновья будутъ воздвигать памятники тѣмъ, которые лучше всѣхъ другихъ убивали ихъ отцовъ».

«Судьба цѣлаго поколѣнія зависитъ отъ того часа, въ который какой нибудь мрачный полгтякъ дастъ тотъ знакъ, по которому они бросятся другъ на друга».

«Всѣ мы знаемъ, что лучшее изъ насъ будутъ подкошены и тѣ дѣла наши будутъ разрушены въ зародышѣ».

«Мы знаемъ это, содрогаясь отъ злости и ничего не можемъ. Мы пойманы въ сѣтъ разныхъ преступленныхъ мѣстъ и бумагъ съ заголовками, разорвать которую слишкомъ трудно».

«Мы во власти тѣхъ законовъ, которые мы сами понадеялись, чтобы защитить себя, и которые угнетаютъ насъ».

«Мы перестали быть людьми и сдѣлались вещами—собственностью вымышленнаго чего-то, что мы называемъ государствомъ, которое поработаетъ каждое во имя воли всѣхъ, тогда какъ всѣ, взятые отдѣльно, хотятъ какъ разъ противное тому, что ихъ заставляютъ дѣлать . . .»

«И хорошо, если-бы дѣло шло только объ одномъ поколѣніи. Но дѣло гораздо важнѣе. Всѣ эти крикуны на жалованьи, всѣ честолюбцы, пользующіеся дурными страстями толпы, всѣ нище духомъ, обманутые звучностью словъ, такъ разожгли народныя ненависти, что дѣло завтрашней войны рѣшить судьбу цѣлаго народа. Побѣжденный долженъ будетъ исчезнуть, и образуется новая Европа на основахъ столь грубыхъ, кровожадныхъ и опозорен-

ныхъ такими преступленіями, что она не можетъ не быть еще хуже, еще злѣе, еще диче и насильственнѣе».

«Такъ и чувствуешь, что надъ каждымъ виситъ ужасная безнадежность. Мы мечемся въ тупомъ переулкѣ съ направленными на насъ ружьями со всѣхъ сторонъ. Мы работаемъ какъ матросы на кораблѣ, который тонетъ. Наше удовольствіе — это удовольствіе приговореннаго къ смерти, которому дадутъ выбрать для себя любое кушанье за четверть часа до казни. Ужасъ притупляетъ намъ мысль и высшее ся проявленіе въ томъ, чтобы разсчитать, сообразая неясныя рѣчи министровъ, слова, сказанныя царемъ, выворачивая изреченія дипломатовъ, которыми наполняютъ газеты, разсчитать, когда это именно — нынѣшній или на будущій годъ насъ будутъ рѣзать».

«Едва-ли можно найти въ исторіи время, въ которое жизнь была-бы менѣе обезпечена и болѣе полна тягостнаго ужаса». (*E. Rod. Le sens de la vie.* Стр. 208—213).

Указано на то, что сила въ рукахъ тѣхъ, которые ея губятъ себя, въ рукахъ отдѣльныхъ людей, составляющихъ массы; указано на то, что источникъ зла въ госу-дарствѣ. Казалось-бы ясно то, что противрѣчіе сознанія и жизни дошло до того предѣла, дальше котораго идти нельзя и послѣ котораго должно наступить разрѣшеніе его.

Но авторъ думаетъ не такъ. Онъ видитъ въ этомъ трагизмъ жизни человѣческой, и, показавъ весь ужасъ положенія, заключаетъ тѣмъ, что въ этомъ ужасѣ и должна происходить жизнь человѣческая.

Таково второе отношеніе къ войнѣ людей, признающихъ въ ней нѣчто роковое и трагичное.

Третье отношеніе есть отношеніе людей, потерявшихъ совѣсть, и потому и здравый смыслъ, и человѣческое чувство.

Къ такимъ людямъ принадлежатъ Мольке, сужденіе котораго выписано Мопсаномъ, и большинство военныхъ, воспитанныхъ въ этомъ жестокомъ суевѣрїи, живущихъ имъ и потому часто наввно убѣжденныхъ, что война есть не только неизбежное, но и необходимое, даже полезное дѣло. Такъ судятъ вмѣстѣ съ тѣмъ и не военные, такъ называемые, ученые, образованные, утонченные люди.

Вотъ что пишетъ въ томъ номерѣ *Revue des Revues*, въ которомъ собраны письма о войнѣ, знаменитый академикъ Дюэзъ, на вопросъ редактора о его взглядѣ на войну:

Милостивый Государь!

«Когда вы спрашиваете у самаго миролюбиваго изъ академиковъ, сторонникъ-ли онъ войны, его отвѣтъ уже заранѣе готовъ: къ несчастью, М. Г., вы и сами считаете